

МЕРТВЫЙ ПРИТОК

KAEL STORM

18+

Kael Storm

Kael Storm - Мертвый Приток

<https://litres.ru/74559207>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город Каррауэй высыхает. Вместе с водой уходит правда, но река помнит всё.

Джек Мерсер приехал сюда по простому заказу: найти пропавшего гидролога. Но вместо живого человека он находит труп с инженерной меткой на лбу и деталь от шлюза 4 в кармане. Тот самый шлюз, где двадцать семь лет назад исчез его отец — коп, которого Джек всю жизнь считал трусом, бросившим семью.

Здесь шериф советует уехать, пока дороги свободны. Здесь одиннадцатилетняя девочка рисует на запотевшем стекле схемы смерти. Здесь каждый житель купил свое молчание ценой чужой крови.

У Джека есть всего десять дней до сезона дождей. Когда вода вернется, она смоет все улики, кости и тайны плотины навсегда. Джек думал, что ищет убийцу. Он ошибался. Он ищет ответ на вопрос, который страшнее любой смерти: почему отец закрыл шлюз, зная, что внутри люди?

Некоторые двери лучше не открывать. Особенно если за ними ждет твое собственное прошлое.

Содержание

Глава.1 Пыль	4
Глава 2. Тело	16
Глава 3. Номер 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Kael Storm

Kael Storm -

Мертвый Приток

Глава.1 Пыль

Джек Мерсер вышел из машины. Воздух ударил в лёгкие — сухой, горячий, мёртвый. Как дыхание из приоткрытой духовки.

Он постоял секунду, упершись ладонью в крышу «форда», глядя на трещину у рамки лобового стекла. Паутина. Тонкая, ветвистая, расползавшаяся от угла к центру. Стеклопакет держался, но трещина не собиралась останавливаться. Замена обойдётся в восемьдесят долларов. Джек не станет менять. Он не собирается задерживаться.

Рука нырнула в карман плаща. Пальцы нащупали обёртку мятной конфеты. Развернул. Обёртка прилипла к пальцам, сахарная крошка рассыпалась по манжете. Конфета полетела в рот. Мята была выдохшейся, тёплой, с привкусом кармана. Но она перебивала вкус шести часов дороги, дешёвого кофе на заправке и собственной слюны, которую он глотал, чтобы не думать о том, зачем едет.

Плащ был старым, цвета вялой крови, с потёртыми локтями и подкладкой, которая отходила на левом плече. Четвёртый год службы. Под ним, в кобуре на ремне, лежал «смит-энд-вессон» модели 10. Тяжесть привычная, как ключ в кармане. Единственное, что не требовало объяснений.

Каррауэй лежал в долине. Долина была пуста. Река, когда-то делившая город пополам, превратилась в грязную борозду. Берега торчали рёбрами бетона и ржавыми сваями. Несколько брошенных машин стояло вдоль главной улицы, покрытые пылью так густо, что казались продолжением асфальта. Небо над головой белело, без единого облака. Солнце жарило не теплом, а отсутствием тени.

Бар назывался «Последний фонарь». Вывеска горела даже днём — розовый неон, подмигивающий, как нервный тик. Джек толкнул дверь. Колокольчик над притолокой звякнул глухо, будто его повесили языком вверх.

Внутри было темно и душно. Вентилятор под потолком крутился лениво, разгоняя не воздух, а запах прокисшего эля и старой хвои. За стойкой стоял мужчина. Высокий, худощавый, с лицом, высеченным из чего-то твёрдого и покрытым морщинами, как кора вяза. Двигался экономно, без единого лишнего жеста. Протирал стакан полотенцем, которое было чище его рубашки. На левой руке, без перчатки, блестело серебряное кольцо. Простое, грубое, с вдавленным полукругом.

— Мы закрыты для чужаков, — сказал бармен. Голос низ-

кий, ровный. Констатация факта.

— У меня есть деньги. — Джек положил на стойку пятёрку. Купюра была мятой, влажной от пота ладони.

Бармен взял её двумя пальцами, осмотрел на свет, бросил обратно.

— Деньги тут не главное. Главное — знать, куда идёшь. А ты, судя по пыли на плечах, идёшь откуда угодно, только не оттуда.

— Мне нужна встреча. Кто-то сказал прийти сюда.

Бармен усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Здесь много говорят. Мало кто слушает. Садись.

Джек сел на табурет у дальнего конца стойки. Взгляд скользнул по залу. Пусто. В углу, свернувшись, спал пьяница, обняв пустую бутылку, как ребёнка. У окна сидел тип и раскладывал пасьянс сам с собой, двигая карты по исцарапанной столешнице. Рядом стоял стакан чая, давно остывший, с серой плёнкой на поверхности. Тип не пил. Просто раскладывал. Карты ложились с сухим щелчком, и это был единственный звук, кроме вентилятора.

Бармен — Джек позже узнает его имя, но пока это был просто хозяин места — налил стакан виски, поставил перед ним. Не спрашивая.

— За счёт заведения?

— За счёт того, что ты уедешь.

Джек не ответил. Поднёс стакан к губам, но не выпил. Виски пах торфом и чем-то металлическим. Он поставил

стакан обратно.

Через десять минут появилась она.

Вошла тихо, без хлопка двери, без звона колокольчика. Просто оказалась внутри, как будто всегда была. Серое платье, строгое, без украшений. Волосы собраны в узел, ни одной выбившейся пряди. Ей было около тридцати пяти, может, чуть старше. Лицо не красивое и не некрасивое — точное. Такое лицо бывает у людей, которые давно решили, что им нужно, и перестали тратить время на выражения.

Она села напротив Джека, не спрашивая разрешения. Подняла руку. Бармен подошёл.

— Виски. Со льдом.

Лёд в этом городе стоил дороже бензина. Бармен кивнул, не удивился.

Женщина повернулась к Джеку.

— Мистер Мерсер.

— Детектив.

— Вы наняты мной. — Она положила перед ним конверт. Белый, плотный, запечатанный. — Мой муж, Дэниел Кросс, пропал неделю назад. Гидролог. Работал на плотине. Полиция считает, что уехал. Я знаю, что нет.

Джек не взял конверт. Посмотрел ей в глаза.

— Почему я?

Она не моргнула.

— Потому что вы дешёвы и у вас нет связей в этом штате.

Джек ждал другого. Ждал «вы лучший», ждал «мне вас

рекомендовали», ждал хотя бы вежливой лжи. Она не дала ни того, ни другого. Дала расчёт. Холодный, сухой, как воздух за дверью.

— Правда стоит дорого, — сказал Джек.

— Я заплачу двойную ставку. Если найдёте.

— А если нет?

Она замолчала. Не потому что не знала ответа. Потому что хотела, чтобы тишина сказала его за неё. Вентилятор крутился. Пьяница в углу всхрапнул. Тип у окна перевернул карту. Щелчок.

— Найдите его, — сказала женщина. — Живого или мёртвого. Мне важно знать правду.

Джек протянул руку. Взял конверт. Бумага была плотной, дорогой, с лёгким запахом типографской краски. Он надорвал край. Внутри лежала фотография. Чёрно-белая, зёрнистая, с загнутым уголком. Молодой человек в форме заместителя шерифа. Китель застёгнут на все пуговицы. Фуражка набекрень. Лицо открытое, с той наивностью, которая бывает у людей, верящих, что закон — это стена, а не занавес.

Джек перестал дышать.

Не сердце. Не удар. Просто воздух исчез. Лёгкие сжались, как будто кто-то выкачал кислород из комнаты. Ноготь большого пальца впился в ладонь, и боль была далёкой, вторичной, как звук из соседней комнаты. Во рту мятная конфета стала тошнотворной, приторной, чужой.

Это был Томас Мерсер. Его отец. Двадцать четыре года.

Форма. Фуражка. Глаза, которые Джек не видел двадцать семь лет и которые снились ему в каждом втором сне.

На обороте фотографии, аккуратным инженерным почерком, были написаны цифры и слово: Шлюз 4. 1999.

Джек поднял глаза. Женщина наблюдала за ним. Не с жалостью. Не с торжеством. С вниманием человека, который проверяет, правильно ли сработал механизм.

— Откуда это? — спросил Джек. Голос был ровным. Он слышал, что ровным. Но рука под столом дрожала, и он прижал её к колену.

— Дэниел нашёл это в архиве. Перед тем как исчезнуть. Он говорил, что ваш отец имеет отношение к тому, что случилось на плотине двадцать семь лет назад.

— Мой отец бросил семью, — сказал Джек. Резко, как отрезают. — Ушёл. Оставил нас. Скучная история, миссис Кросс.

— Возможно. Но иногда те, кто уходит, не доходят до места назначения.

Джек смял фотографию в кулаке. Бумага хрустнула. Он тут же разжал пальцы. Разгладил. Не понял, зачем разгладил.

— Сколько времени?

— Дожди обещают через десять дней. После этого вода вернётся. И смоем всё, что осталось на дне. Архив. Улики. Тела.

Десять дней. Джек не любил сроки. Сроки превращали работу в гонку, а гонку — в ошибку. Но десять дней — это де-

сять дней. Не больше. Не меньше.

— Хорошо, — сказал он. — Я возьмусь. Но предупреждаю: я не играю в игры. Если ваш муж жив, я найду. Если мёртв, найду того, кто это сделал. Но если вы используете меня как приманку...

— Мои цели совпадают с вашими, мистер Мерсер. Найти правду.

Она встала. Положила на стойку сторублёвую банкноту за виски, который не попробовала. Лёд в стакане уже растаял, и вода стояла поверх янтарной жидкости мутной плёнкой.

— Мотель «Заря», номер семь. Там жил Дэниел. Ключ в конверте.

Она направилась к выходу. У двери остановилась. Не обернулась. Просто сказала, не повышая голоса:

— Будьте осторожны, детектив. В Каррауэе стены тонкие. Дверь закрылась. Колокольчик звякнул.

Джек остался сидеть. Развернул фотографию обратно. Разгладил коленями. Смотрел на лицо отца. На фуражку. На глаза, которые смотрели на него с расстояния в двадцать семь лет и не моргали. Шлюз 4. Что за шлюз. Какой четвёртый.

Бармен подошёл. Налил ещё виски. Поставил стакан рядом с первым, нетронутым.

— Крепкие новости, — сказал он. Не вопрос. Не сочувствие. Просто констатация, как уровень воды или направление ветра.

— Вы знали моего отца? — спросил Джек, не глядя на него.

— Знаю многих. Город маленький.

— Он работал здесь. Заместителем шерифа.

Бармен протирает стакан. Медленно, методично. Полотенце ходило по стеклу круговыми движениями.

— Работал. Потом уехал. Как и многие.

— Куда уехал?

Бармен поставил стакан. Посмотрел на Джека. Спокойно. Без вызова. Без жалости.

— Река помнит, — сказал он. Тихо. Как говорят о погоде.

— А люди предпочитают не помнить. Это проще. Для всех.

Джек выпил виски одним глотком. Обожгло пищевод. Боль была конкретной, настоящей. Он поставил стакан. Сунул конверт в карман плаща.

— Где мотель «Заря»?

— Окраина. У железнодорожного полотна. Второй этаж, конец коридора. Свет там не работает.

Джек встал. Бросил на стойку пятёрку за виски. Бармен не взял. Купюра осталась лежать, влажная, с отпечатком его пальца.

На улице солнце било в глаза. Пыль кружилась в воздухе, оседала на губах, на зубах, на языке. Джек сел в машину, завёл мотор. Двигатель закашлялся, схватил. Трещина на стекле ловила свет и дробила его на тонкие белые нити.

Мотель «Заря» стоял на отшибе, рядом со старым желез-

нодорожным полотном, заросшим бурьяном по пояс. Здание было двухэтажным, с облупившейся краской и вывеской, на которой буква «З» держалась на одном болте и покачивалась от ветра. Парковка пуста, если не считать двух ржавых пикапов, у которых не было ни стёкол, ни шин.

Джек поднялся по скрипящей лестнице на второй этаж. Коридор был тёмным. Лампочки над дверями перегорели. Пахло табаком и сыростью — резким, затхлым запахом, который въедается в дерево и не выветривается годами. Джек достал фонарик из бардачка, включил. Луч выхватил облупившуюся краску, номера дверей, мёртвых мотыльков на подоконнике.

Пять. Шесть. Семь.

Ключ повернулся в замке с сухим щелчком. Дверь открылась.

Комната была маленькой. Кровать, тумба, стул. Шторы задёргнуты. На стене — квадраты более светлой краски там, где раньше висели фотографии. Кто-то снял их. Недавно. Краска под ними не успела потемнеть.

Джек обошёл комнату. Шкаф — пусто. Под кроватью — пыль, пара монет, ничего. Ванная — сухо, чисто, запах хлорки. Он вернулся к кровати. Сел. Матрас просел под весом, скрипнул.

Достал конверт. Вынул фотографию. Положил на тумбу. Лицо отца смотрело в потолок. Фуражка. Китель. Глаза.

Шлюз 4. 1999.

Джек перевернул фотографию лицом вниз. Не хотел смотреть. Не сейчас. Не так. Двадцать семь лет он жил с тем, что отец ушёл. Бросил. Исчез. Мать говорила: «Он не вернулся». И этого хватало. Этого хватало, чтобы ненавидеть. Ненависть была проще, чем вопрос. Проще, чем не знать.

А теперь фотография. И надпись. И женщина в сером платье, которая говорит «ваш отец имеет отношение». Имеет отношение. Не «был там». Не «погиб». Не «убит». Имеет отношение. Формулировка для протокола. Для суда. Для города, который двадцать семь лет выбирает слова так, чтобы они ничего не значили.

Телефон зазвонил резко, пронзительно, разрывая тишину номера, как ржавый гвоздь рвёт ткань. Старый дисковый аппарат на тумбочке. Джек вздрогнул. Посмотрел. Звон повторился. Три. Четыре. Пять.

Он снял трубку. Прижал к уху.

Тишина на другом конце длилась три секунды. Потом голос. Низкий, искажённый, будто говорили через слой металла.

— Уезжайте, Мерсер.

Пауза.

— Пока река не вернулась.

Гудки.

Джек медленно опустил трубку. Он знал своё имя. Вивиан назвала его детективом. Бармен не называл. Никто в этом городе не называл его по имени. Кроме того, кто позвонил.

Он подошёл к окну. Отодвинул край шторы на сантиметр. Во дворе мотеля, у входа в контору, стояла чёрная машина. Фары выключены. Двигатель работал — из выхлопной трубы шёл тонкий дымок. В салоне никого не видно. Тонированные стёкла.

Кто-то ждал. Не его. Или его. Разница пока не имела значения.

Джек отошёл от окна. Штора упала. Сел на кровать. Не раздеваясь. Плащ не снял. Револьвер переложил из кобуры под подушку. Металл был холодным и тяжёлым, и эта тяжесть была единственной вещью в комнате, которая не требовала объяснений.

Он достал блокнот из внутреннего кармана. Открыл. Страницы были пустыми, белыми, с запахом типографской краски. Джек достал ручку. Написал два слова.

Шлюз 4.

Подчеркнул. Один раз. Медленно. Линия была ровной, без нажима. Не дважды. Не трижды. Один раз. Потому что дважды — это уже одержимость, а одержимость в его деле стоила дороже, чем пуля.

За окном ветер усилился. Пыль закружилась по асфальту, образуя маленькие смерчи, которые распадались так же быстро, как возникали. Где-то далеко, за холмами, за высохшим руслом, за городом, который предпочитал не помнить, прогремел гром. Далёкий. Слабый. Не дождь. Ещё нет.

Джек закрыл блокнот. Положил в карман. Лёг на кровать.

Глаза открыты. Потолок. Квадраты светлой краски на стене.
Фотография отца лицом вниз на тумбочке.

Десять дней.

Он не стал считать часы.

Глава 2. Тело

Утро выдалось таким же белёсым и безжалостным, как вчера. Джек не спал. Лежал, слушая, как ветер скребёт по ставням, и считал минуты до рассвета. Когда небо посерело, он встал, умылся холодной водой из-под крана, натянул тот же плащ.

Река Каррауэй лежала перед ним обнажённая. Русло превратилось в грязную борозду, прорезанную по дну долины. По берегам торчали корни деревьев, белые, как вываренные кости. Вода ушла. Осталась вонь и то, что она прятала.

Джек наступил на что-то мягкое. Посмотрел вниз. Ботинок. Гнилой, раздутый от воды, с ржавым гвоздём, торчащим из подошвы, как кривой палец. Он переступил и пошёл дальше.

Ил чавкал под ногами. Не громко. Не как в кино. Тихо, мерзко, с присасыванием, будто дно не отпускало. Каждый шаг стоил усилия. Ботинки вязли по щиколотку, и Джек чувствовал, как холодная жижа просачивается сквозь кожу, касается носков, холодила пальцы. Плащ лип к спине. Воротник натирал шею. Джек почесал затылок, оставляя на коже грязную полосу, и пошёл дальше.

В кармане плаща шуршала пачка крекеров из бара. Джек достал один. Сухой, солёный, крошился на пальцах. Он жевал на ходу, не чувствуя вкуса. Крошки падали на глину. Ве-

тер подхватывал их и нёс куда-то вбок, к ржавому остову пикапа, торчащему из ила, как ребро.

Джек шёл не потому, что знал, куда идёт. Шёл потому, что больше некуда было идти. Мотель «Заря» оставался позади, пустой и молчаливый. Бар «Последний фонарь» тоже казался миражом. Город выглядел так, будто жители вышли на пять минут и забыли вернуться.

Оставалась река. Не потому что Джек верил в подсказки. А потому что в городе, где всё высохло, дно реки было единственным местом, где кто-то мог что-то оставить. Или потерять. Или быть найденным.

Он ел второй крекер. Третий. Не считал. Жевал механически, как жуют жвачку, чтобы не думать. В голове крутилась фотография. Отец в форме. Двадцать четыре года. Наивное лицо. И надпись на обороте: Шлюз 4. 1999. Джек сунул руку в карман, нащупал край конверта. Бумага была влажной от пота. Он не достал. Не хотел смотреть. Не сейчас.

Крекеры кончились. Джек сунул пустую пачку обратно. Пальцы коснулись чего-то ещё. Визитка. Он не помнил, когда взял её из бара. Картонка мягкая, с загнутым углом. Последний фонарь. Ред Кэллоуэй. Владелец. Джек выбросил. Картонка упала в ил и исчезла.

Он шёл ещё минут десять. Может, пятнадцать. Солнце стояло высоко, белое, безжалостное. Тени не было. Только жар, который давил на плечи, на макушку, на глаза. Джек шурился. Пот тёк по вискам, попадал в уголки рта. Солёный.

Привкус металла на языке.

И тогда он наступил на руку.

Не на ботинок. Не на корягу. На руку. Кисть. Пальцы торчали из-под наноса серого ила, как корни мёртвого куста. Ногти синие. Кожа сморщенная, белёсая, как у человека, который слишком долго лежал в ванне.

Джек остановился. Не закричал. Не отпрыгнул. Посмотрел. Потом присел. Разгрёб ил носком ботинка. Потом рукой. Пальцы скользнули по ткани. Куртка. Промокшая, тяжёлая. Под курткой — плечо. Под плечом — шея.

Шея была не в порядке.

Джек разгрёб ещё. Голова. Лицо вверх. Глаза открыты. Рот полуоткрыт. Волосы слиплись. И горло. Горло было перерезано. Чисто. Одним движением. Края раны разошлись, как лепестки, и кровь свернулась вокруг них тёмной коркой, смешанной с глиной.

Джек сел на пятки. Колени хрустнули. В желудке поднялось что-то горячее, кислое. Он сглотнул. Не вырвало. Но привкус металла стал сильнее.

— Не тот, — сказал Джек вслух. Голос прозвучал чужим, хриплым, как будто он не разговаривал сутки.

Он не знал, кто это. Но знал, что не Дэниел Кросс. Кросс был худощавый, с резкими чертами. Этот был шире. Круглее. Лицо доброе, даже сейчас, даже с перерезанным горлом и открытыми глазами. Такое лицо бывает у людей, которые любят рыбалку и пиво по субботам. Которые говорят «ну,

бывай» вместо «до свидания».

Джек заставил себя работать. Руки. Карманы. Последовательно. Как учили. Как делал двадцать лет.

Левый карман куртки. Пусто. Правый. Связка ключей. Ржавые. Один новый, блестящий, без окисления. На брелоке гравировка: 7. Джек запомнил. Положил обратно.

Внутренний карман. Бумажник. Кожа потрескалась от воды, но Джек извлёк его аккуратно, двумя пальцами, как извлекают улику. Открыл.

Водительское удостоверение. Штат Вашингтон. Имя: Гарольд Пайк. Возраст: 48 лет. Профессия: геодезист. Фотография: круглое лицо, редкие волосы, хорошие глаза. Живые глаза. Не такие, как сейчас.

Джек закрыл бумажник. Положил на колено. Посмотрел на тело. Гарольд Пайк. Геодезист. Не гидролог. Не инженер. Не тот, кого он искал.

Раздражение. Чистое, концентрированное, как спирт на ране. Джек приехал через половину штата искать одного человека. Нашёл другого. Убитого. С тем же почерком. Значит, не один. Значит, серия. Значит, Вивиан знала. Или догадывалась. И не сказала.

Джек достал блокнот из внутреннего кармана плаща. Записал: Гарольд Пайк. 48. Геодезист. Горло. Символ. Подчеркнул последнее слово. Потом перевернул страницу и нарисовал то, что видел на лбу.

Полукруг. А внутри него — точка. Чёрная. Аккуратная.

Не мазок. Не клякса. Выведенная. Как чертёжник рисует. Как инженер ставит отметку на схеме.

Джек смотрел на свой рисунок. Не понимал. Но запоминал. Не интерпретировал. Фиксировал. Интерпретация потом. Сейчас — руки. Карманы. Детали.

Он перевернул бумажник. За удостоверением лежала визитка. Картонная, белая, с синей полосой по краю. Мотель «У реки». Номер 7. На обороте, шариковой ручкой, неразборчиво: «Для Д.»

Для Д. Для Дэниела. Или для кого угодно на букву «Д». Джек сунул визитку в карман. Рядом с конвертом. Рядом с фотографией отца. Бумага к бумаге. Тайна к тайне.

Он вернулся к телу. Куртка. Нижние карманы. Левый: носовой платок, мокрый, бесполезный. Правый: металлический предмет. Джек нащупал. Вытащил.

Деталь. Небольшая. Треугольная. Ржавый край, гладкая поверхность. Фрагмент чего-то большего. Шестерни? Защелки? Джек перевернул. На обратной стороне, под слоем засохшей грязи, была выбита цифра. Пуансоном. Глубоко. Края заусенцев скруглены временем.

Джек протёр деталь большим пальцем. Цифра не исчезла. Не померещилась. Четыре. Шлюз четыре. Надпись на обороте фотографии. Шлюз 4. 1999.

Как эта деталь оказалась в кармане геодезиста? Пайк искал границы участков. Не шлюзы. Не затворы. Не плотины. Рулетка, карандаш, теодолит. Не гидравлика. Не инженерия.

Но деталь была здесь. В его кармане. Рядом с ключом от номера семь. Рядом с визиткой «Для Д.».

Джек достал блокнот. Записал серийный номер. Восемь цифр. Запомнил. Записал ещё раз, для верности. Потом спрятал деталь во внутренний карман плаща. Ближе к телу. Не потому что сентиментален. Потому что внешний карман мог порваться. А эта штука была единственной нитью, которую он держал.

Над телом жужжала муха. Одна. Большая. Зелёная. Она садилась на лоб Пайка, на полукруг, на точку, и Джек отгонял её рукой. Муха улетала. Возвращалась. Садилась снова. Джек перестал отгонять. Пусть. Ему было всё равно. Пайку тем более.

Он встал. Колени снова хрустнули. Сорок два года. Тело начинало вести счёт. Джек посмотрел на тело сверху вниз. Гарольд Пайк. Геодезист. Третий? Второй? Первый? Кто-то перерезал ему горло и нарисовал на лбу схему затвора. Как метку. Как инвентарный номер. Как адрес.

И тут Джек услышал гравий.

Не шаги. Хруст. Шины по гравию. Медленно. Тяжело. Джек обернулся.

На дороге, наверху, на краю откоса, стояла патрульная машина. Белая. С гербом округа на дверце. Двигатель работал. Фары выключены. Джек не слышал мотора. Значит, машина стояла там до него. Значит, приехала раньше. Значит, кто-то знал.

Дверца открылась. Из машины вышел человек. Не торопясь. Не с пистолетом. Просто вышел. Постоял. Посмотрел вниз, на Джека. Потом начал спускаться по откосу. Медленно. Тяжело. Как человек, который несёт что-то невидимое и давно привык.

Шериф Дейл Крутчфилд.

Квадратное лицо. Тяжёлый подбородок. Плечи сутулые, как у того, кто слишком долго сидит за столом или слишком долго стоит на ногах. Форма висела мешком. Звезда на груди тусклая, покрытая пылью. В руке — сигарета. Не прикуренная. Просто держал. Как держат карандаш, когда не знаешь, что писать.

Он остановился в трёх шагах от тела. Посмотрел на Пайка. Потом на Джека. Потом снова на Пайка. Никакого удивления. Никакого шока. Только усталость. Та самая, костная, которая не лечится сном.

— Вы рано, — сказал Крутчфилд.

Не «вы рано приехали». Не «как вы здесь оказались». Просто: вы рано. Два слова. Голос низкий, шершавый. Пахло табаком. Вторым запахом этого дня. Тина и табак. Больше Джек не запомнил. Не хотел.

— Я ищу гидролога, — ответил Джек. Не убрал руку от кобуры. Не демонстративно. Просто держал. — Нашёл геодезиста.

Крутчфилд дёрнул уголком рта. Не улыбка. Grimаса. Как у человека, которому наступили на мозоль.

— Это третий.

Джек моргнул. Слово ударило в живот. Не в голову. В живот. Тупо, тяжело, как кулак в боксерской перчатке. Третий. Значит, полиция знала. Значит, считали. Значит, Вивин молчала. Или лгала. Или просто не считала нужным говорить.

— Кто первые двое? — спросил Джек.

Крутчфилд посмотрел на него. Долго. Не враждебно. Не подозрительно. Просто смотрел. Как смотрят на человека, который задаёт вопрос, на который не хочет слышать ответ.

— Клара Восс, — сказал шериф. — Журналистка. Нашли в редакции. Горло. Знак на груди.

Пауза. Крутчфилд покрутил сигарету в пальцах. Не прикурил.

— Второй — из архива. Фамилию не помню. Или не хочу помнить.

— Почему полиция молчит?

Крутчфилд посмотрел на тело. На полукруг на лбу. На точку. Потом на Джека.

— Полиция не молчит. Полиция считает.

Это был не ответ. Но это было всё, что Джек получил. Крутчфилд не собирался объяснять. Не собирался оправдываться. Не собирался произносить речей. Он просто сказал то, что сказал. И замолчал.

Джек ждал. Крутчфилд молчал. Они стояли над телом Гарольда Пайка, и муха жужжала, и солнце давило, и пот тёк

по спине, и никто не двигался.

— Вызывайте криминалистов, — сказал Джек.

Крутчфилд покачал головой. Медленно.

— Нет.

— Почему?

Шериф сунул сигарету в рот. Не прикурил. Просто сунул. Пожевал кончик.

— Потому что если приедут криминалисты из округа, приедут и журналисты. А если приедут журналисты, приедут инженеры из штата. А если приедут инженеры, они полезут в плотину.

Пауза. Крутчфилд смотрел на реку. На обнажённое дно. На ржавые остоны.

— А в плотине то, что лучше не трогать. Понимаете?

Джек понимал. Не хотел понимать. Но понимал. Это была не философия. Не метафора. Логика. Грубая, конкретная, бытовая логика человека, который двадцать семь лет держал крышку на кастрюле и устал.

— Вам лучше уехать, — сказал Крутчфилд.

Не просьба. Не совет. Констатация. Как говорят: «завтра будет дождь». Или «дорога перекрыта». Факт. Не обсуждается.

— Садитесь в машину. Езжайте на север. Забудьте.

Джек смотрел на него. На квадратное лицо. На сутулые плечи. На сигарету, которую тот так и не прикурил.

— Нет.

Крутчфилд кивнул. Не удивился. Не разозлился. Кивнул. Как человек, который услышал то, что ожидал.

— Как скажете.

Он повернулся. Пошёл обратно к откосу. Медленно. Тяжело. Потом остановился. Обернулся. Не всем телом. Только головой.

— Ваш отец тоже сказал «нет». Двадцать семь лет назад.

Джек замер. Воздух в лёгких стал твёрдым. Не вдохнуть. Не выдохнуть. Просто стоять. Просто смотреть.

Крутчфилд не объяснил. Не добавил. Не развил. Сказал. И пошёл дальше. К машине. Сел. Закрыв дверцу. Мотор зарычал. Патрульная машина развернулась на гравии и уехала. Медленно. Не оглядываясь.

Джек стоял. Один. Над телом. Под белым небом. В голове стучало: ваш отец тоже сказал нет. Не метафора. Не намёк. Факт. Крутчфилд знал Томаса Мерсера. И сказал это как бы между прочим. Как говорят: «дождь будет». Или «хлеб кончился». Потому что устал. Потому что двадцать семь лет. Потому что ему было всё равно.

Джек сунул руку в карман. Пальцы коснулись конверта. Фотографии. Шлюз 4. 1999. Отец в форме. Двадцать четыре года. Наивное лицо.

Он заставил себя вернуться к телу. Работа. Не думать. Фиксировать. Обувь Пайка. Подошвы. Следы. Глина. Ржавчина. Ничего необычного. Вокруг тела — примятая трава, высохшая. Кто-то стоял здесь. Недавно. Двое? Трое? Не

разобрать. Слишком сухо. Слишком жарко. Следы не держатся.

Джек выпрямился. Вытер руки о плащ. Грязь размазалась по ткани. Посмотрел на тело в последний раз. Гарольд Пайк. Геодезист. Третий. Кем бы ни был первый и второй. Третий. С полукругом на лбу. С цифрой четыре в кармане. С визиткой «Для Д.».

Джек отвернулся. Пошёл к откосу. К машине.

И остановился.

На дереве. В трёх метрах над ним. На суку, который нависал над телом. Красный огонёк. Мигал. Ритмично. Как пульс. Как дыхание. Камера. Старая. Корпус облупился. Объектив треснул. Но индикатор работал. Живой. Записывал.

Джек не смотрел в камеру. Не махал. Не злился. Посмотрел на угол обзора. Запомнил. Модель. Примерное направление объектива. Не на тело. Шире. На всё дно. На откос. На дорогу. На его машину.

Кто-то наблюдал. Прямо сейчас. В эту минуту. В эту секунду. Кто-то видел, как Джек разгребает ил. Как обыскивает карманы. Как находит деталь. Как говорит с шерифом. Как стоит один над трупом.

И Крутчфилд приехал не случайно. Камера была здесь раньше него. Значит, кто-то знал о теле. Значит, кто-то ждал, что Джек придёт. Или надеялся. Или проверял.

Джек медленно отвёл взгляд от дерева. Он не побежал. Не

спрятался. Вместо этого он наклонился к камере, насколько позволял обзор, и едва заметно кивнул в её сторону. Одно движение. Не приветствие. Подтверждение. Я вижу тебя.

Затем он выпрямился, поправил воротник плаща и пошёл дальше. Не спеша. Не оглядываясь. Потому что если кто-то смотрел через эту камеру, Джек не хотел показывать страх. Не хотел давать реакцию. Не хотел быть предсказуемым.

Он поднялся по откосу. Глина крошилась под ногами. Машина стояла там, где он её оставил. «Форд». Треснутое стекло. Пыль на капоте. Джек открыл дверцу. Сел. Положил руки на руль. Посмотрел в зеркало заднего вида.

На дороге, где стояла машина Крутчфилда, было пусто. Но на обочине, в пыли, виднелись следы. Не одной машины. Двух. Вторая — с узкой колеей. Не патрульная. Не «форд». Другая. Кто-то был здесь раньше. Или позже. Или одновременно.

Джек записал в блокнот. Два следа. Узкая колея. Не местная. Не патрульная. Закрыв блокнот. Положил на сиденье.

Потом посмотрел на восток. Там, за деревьями, за холмами, был город. Мотель «Заря». Номер семь. Пустой. Пыльный. И редакция «Каррауэй Кроникл». Где работала Клара Восс. Журналистка. Первая. С полукругом на груди.

Если она первая, значит, её рабочее место — это место, где кто-то что-то нашёл до неё. Или где кто-то что-то спрятал после.

Джек завёл мотор. Двигатель чихнул. Схватил. Заработал.

Крекеры в кармане шуршнули. Джек не выбросил пустую пачку. Зачем выбрасывать.

Он включил передачу. Машина тронулась. Гравий захрустел под колёсами. В зеркале — река. Обнажённая. Серая. Мёртвая. И камера на дереве. Красный огонёк. Мигает. Записывает пустоту.

Джек ехал в редакцию. Не в мотель. Не в бар. В редакцию. Потому что Клара Восс была первой. И если кто-то рисует на трупах схему затворов, значит, первый труп — это первый шлюз. Первый адрес. Первое слово в предложении, которое кто-то писал кровью двадцать семь лет.

Джек не знал, что найдёт. Знал только, что не уедет. Не сегодня. Не после фразы Крутчфилда. Не после цифры четыре в кармане. Не после красного огонька на дереве.

Отец тоже сказал «нет». Двадцать семь лет назад.

Джек сжал руль. Костяшки побелели. Машина выехала на асфальт. Пыль осела. Тишина вернулась.

В кармане, рядом с конвертом, визиткой и деталью, лежал блокнот. Открытый на странице с рисунком. Полукруг. Точка. И восемь цифр серийного номера, которые Джек запомнил, но записал дважды. Для верности.

Потому что в Каррауэе ничто не было верным. Кроме того, что река помнила. И ждала. И отдавала. По одному телу за раз.

Глава 3. Номер 7

Редакция оказалась закрыта. Опечатка на двери: «По техническим причинам». Джек обошёл здание. Окна первого этажа затянуты пылью. На втором — разбитая рама. Он не стал ломиться внутрь. Вернулся к машине. Посмотрел на часы. Десять утра. Время обедать. Или начинать сначала.

Джек решил вернуться в мотель. Номер семь ждал. Не потому что там были ответы. А потому что там была тишина, которую можно было изучить.

Ключ повернулся в замке с сухим, костлявым щелчком. Никакого сопротивления — будто замок ждал именно эту руку. Дверь номера семь подалась внутрь, выпуская в коридор спёртый воздух, густой, настоявшийся на табачном пепле и чём-то сладковато-химическом, похожем на запах прожигателя, который въедается в дерево навсегда и переживает всех, кто здесь жил.

Джек Мерсер не вошёл. Он стоял на пороге, прижавшись левым плечом к косяку, и слушал. Тишина в номере была не та, что бывает в пустых комнатах — ровная, мёртвая, равнодушная. Эта тишина была натянутой. Как струна, на которую кто-то положил палец и не убирает. Кто-то был здесь. Недавно. Или всё ещё находился.

Он толкнул дверь ногой, входя первым. Револьвер в опущенной правой руке, ствол смотрит в пол. Привычка из Чи-

каго, где в чужие квартиры входили не для того, чтобы по-
здороваться.

Номер был стандартным гробом для проезжающих: кровать с продавленным матрасом, тумба, стул с вытертой обивкой, окно с видом на гравийную парковку и ржавый остов пикапа без колёс. На подоконнике лежала мёртвая моль, крылья расправлены, как у бабочки на булавке. Никто её не убивал. Она просто залетела и не смогла вылететь.

Но порядок вещей здесь нарушался. Матрас сдвинут на три дюйма от изголовья. Ящик тумбы выдвинут. На полу у окна — влажный след от ботинка, грязь ещё не успела высохнуть, края отпечатка держали форму. Двадцать минут назад, максимум тридцать. Кто-то искал. Искать закончили. Но не успокоились. Просто переместились.

Джек убрал револьвер в кобуру под плащом. Если бы здесь была засада, она бы уже сработала. Тот, кто оставил мокрый след, ушёл, но не далеко. Джек чувствовал это не кожей и не интуицией. Он чувствовал это логикой: дверь не заперта, окно не открыто, матрас сдвинут, но перевёрнут не полностью. Человек торопился. А тот, кто торопится, возвращается.

На столе лежала стопка фотографий. Глянцевые снимки, сделанные со штатива, профессионально. Джек подошёл, не касаясь их, наклонился. Верхний снимок: слой ила на дне реки, размытый струёй воды. В грязи торчит ржавый металл. Рядом для масштаба — линейка. Металлическая бир-

ка. Цифра «4» выбита пуансоном, края заусенцев скруглены временем и водой.

Он перевернул следующий лист. Не фотография. Черновик письма. Почерк нервный, нажим сильный, перо рвало бумагу в двух местах. «...не авария, а казнь. Затворы закрыты вручную. Прошу назначить независимую экспертизу осадочных пород у основания шлюза №4 до начала сезона дождей. После этого улики будут уничтожены природой или людьми...» Письмо обрывалось. Дальше — чистый лист. Кросс не успел дописать. Или ему не дали.

Фотографии и письмо лежали слишком удобно. Слишком открыто. Тот, кто обыскивал номер, мог забрать их. Не забрал. Значит, кому-то нужно, чтобы это нашёл именно Джек. Не полиция. Не Кейн. Не Хейл. Он.

Джек отвернулся от стола. Осмотрел комнату ещё раз. Взгляд зацепился за радиатор под окном. Старая чугунная гармошка, покрашенная в цвет стен. Между секциями — тонкая чёрная нить. Провод.

Он опустился на корточки. Колени хрустнули. Сорок два года — возраст, когда тело начинает вести счёт всем ошибкам. Под кроватью, приклеенный скотчем к днищу матраса, висел микрофон. Маленький, круглый, размером с монету. Провод тянулся вдоль плинтуса, нырял в розетку. Джек потянул за провод. Розетка подалась. За ней, в стене, сидел батарейный блок и кассетный диктофон. Пластмассовый, старый, с кнопками, затёртыми до блеска.

Джек достал диктофон. Пластик был тёплым. Не от батареи. От того, что его недавно держали в руках.

Он нажал «Play».

Шипение ленты. Белое, ровное, как гул трансформатора в пустой комнате. Потом голос. Тихий, хриплый, с паузами человека, который говорит в темноте и боится собственного дыхания.

«Если я исчезну... если вы слушаете это... не ищите убийцу. Убийца — следствие. Ищите шлюз. Четвёртый. Там всё началось. Там всё...»

Щелчок. Голос сменился. Другой тембр. Моложе. Срывающийся. Голос, который Джек слышал только во сне и в пьяном бреду матери, когда она доставала бутылку из-под раковины и говорила с пустым стулом.

«...они сказали, что так надо. Что вода смывает лагерь, если мы не перекроем сброс. Я не знал. Клянусь, я не знал, что они там. Моррелл сказал... он сказал, что это для города. Я пытался открыть обратно. Меня ударили. Бирка упала. Я видел, как она упала в грязь. Мой сын... Томми... мой сын никогда не должен...»

Лента оборвалась. Не закончилась. Оборвалась. Резкий треск, будто плёнку рванули пальцами. Потом мёртвая тишина. Не шипение. Не гудение. Тишина.

Джек держал диктофон в руке. Пальцы не разжимались. Пластик был тёплым. Чужим. На языке появился привкус меди, как будто он прикусил щеку изнутри, но он не кусал.

Просто тело решило за него. Колени стали ватными. Он не сел. Стоял. Потому что сесть — значит признать. А он ещё не был готов признать. Не сейчас. Не здесь. Не от голоса, который называл его «Томми».

Это имя никто не произносил двадцать семь лет. Мать запретила. «Ты Джек. Не Томми. Томми был его сын. Его. Не мой». И вот теперь голос из пластмассовой коробочки произнёс это имя так, как произносят его только в темноте, когда думаешь, что никто не слышит.

Джек перемотал плёнку на три секунды назад. Послушал снова. «Мой сын... Томми... мой сын никогда не должен...» Не потому что не расслышал. Потому что не мог не слушать. Потому что голос был настоящий. Не запись. Не эхо. Живой человек, который дышал, глотал воздух, давился словами и всё равно говорил. Говорил в темноту. В микрофон. В надежду, что кто-то когда-то нажмёт «Play».

Джек выключил диктофон. Сунул во внутренний карман плаща. Фотографии и письмо оставил на столе. Пусть видят. Пусть знают, что он взял.

В дверь постучали.

Не громко. Не требовательно. Три коротких удара. Вежливый ритм человека, который пришёл не арестовывать, а «поговорить». Джек сунул диктофон глубже в карман, расправил плащ.

— Открыто.

Голос звучал ровно. Сухо. Как будто внутри ничего не го-

рело.

Дверь распахнулась. На пороге стоял молодой помощник шерифа. Форма сидела идеально, ни складки. Лицо чистое, глаза ясные, улыбка дежурная, но не фальшивая — отрепетированная до искренности, как у продавца, который верит в свой товар, потому что иначе не сможет его продать. Оуэн Хейл. Двадцать с чем-то лет. Выглядел как человек, который верит в закон, потому что ещё не знает, что закон в Каррауэе — это слово, которое произносят перед тем, как сделать то, что выгодно.

— Мистер Мерсер. — Хейл шагнул внутрь, оглядел комнату одним скользким взглядом. Заметил фотографии на столе. Заметил пустое место, где лежал диктофон. Не заметил провода под кроватью. Или сделал вид. — Шериф Крутчфилд просил передать: вам лучше уехать. Сегодня. Дороги размывает, автобус на Сиэтл уходит через час.

— Шериф заботится о моём комфорте?

— Шериф заботится о вашей безопасности, сэр. — Хейл говорил мягко, с той интонацией, которая должна вызывать доверие. Гласные растянуты, согласные сглажены. Голос человека, который тренировался перед зеркалом. — Город нервничает. Засуха. Люди суеверны. Чужак, задающий вопросы, вызывает напряжение. Мы не хотим, чтобы вы пострадали.

Джек смотрел на него. Хейл был хорош. Слишком хорош. Настоящий местный коп был бы грубее, или равнодушнее,

или пьянее. Хейл был идеальным проводником. Идеальным посредником между тем, кто отдаёт приказы, и тем, кто их выполняет, не задавая вопросов. Именно поэтому он был опасен.

— Я остаюсь, — сказал Джек. — Ещё на один день. Передам конверт миссис Кросс и уеду.

Хейл кивнул. Улыбка не дрогнула. Но в глазах мелькнуло что-то. Не разочарование. Расчёт. Оценка. Он принял ответ. Записал. Передаст дальше.

— Как скажете, мистер Мерсер. Но если передумаете... моя рация всегда включена. Мы поможем.

— Вы поможете, — повторил Джек.

Хейл моргнул. Не понял. Или понял, но не подал виду.

— Мы. Участок. Шериф. Я.

Он вышел. Закрыл дверь. Тихо. Аккуратно. Не хлопнул. Не скрипнул. Как человек, который не хочет оставлять следов.

Джек не сказал «мы поможем» вслух. Он сказал «вы поможете». Единственное число. Хейл ответил во множественном. «Мы. Участок. Шериф. Я». Но порядок перечисления был неправильный. Не «шериф и участок». Сначала «я». Потом остальные. Хейл не говорил от имени системы. Он говорил от себя. И прятался за систему.

Джек подошёл к окну. Раздвинул шторы на сантиметр. Через щель увидел, как Хейл садится в патрульную машину. Не уезжает. Ждёт. Парковка напротив мотеля. Оттуда видно и

вход, и окно номера семь. Хейл откинулся на сиденье, положил руки на руль. Не читал. Не курил. Просто сидел. Ждал.

Джек отошёл от окна. Посмотрел на стол. На фотографии. На черновик письма. На пустое место, где лежал диктофон. Хейл пришёл через девяносто секунд после того, как Джек нажал «Play». Не совпадение. Синхронизация. Тот, кто контролирует Хейла, знал, когда Джек найдёт запись. Знал, что он послушает. Знал, что останется.

Джек отвернулся от окна. Посмотрел на стену. Обои были старые, с водяными разводами, рисунок выцвел до неузнаваемости. Но в углу, у самого потолка, где тень ложилась плотнее, кто-то процарапал ногтем.

Полукруг. Точка внизу.

Шлюз четыре.

Джек подошёл ближе. Провёл пальцем в дюйме от царапин. Свежие. Свежее мокрого следа на полу. Свежее визита Хейла. Их нанесли после того, как Хейл ушёл. Пока Джек смотрел в окно. Пока думал, что он один.

Кто-то был в комнате. Прямо сейчас. Или только что вышел.

Джек медленно повернул голову. Смежная дверь. Белая, под цвет стены. Ручка отсутствовала. Вместо неё — круглая дырка, замазанная штукатуркой. Джек подошёл. Провёл пальцем по штукатурке. На подушечке остался белый след. Влажный. Не высохший. Кто-то замазал дырку сегодня. Час назад. Может, два.

За стеной послышался звук. Тихий. Ритмичный. Как дыхание. Или как механизм, который ждёт.

Джек не двинулся. Не потянулся к оружию. Не крикнул. Не постучал в стену. Просто смотрел на белую дверь и чувствовал, как холод поднимается от пола по позвоночнику. Не страх. Хуже. Подтверждение. Они не просто наблюдали. Они были здесь. Символ на стене был не угрозой. Это было подтверждение получения. Как расписка. Как штамп на документе: принято, обработано, передано дальше.

За стеной звук повторился. Тихий. Ровный. Терпеливый. Джек сел на край кровати. Спина прямая. Руки на коленях. Диктофон в кармане жёг через ткань. Голос отца звучал в голове. «Томми». Двадцать семь лет никто не произносил это имя. А теперь оно сидело внутри, как заноза, которую не вытащить пинцетом. Только с мясом.

Он не уедет. Не потому что Вивиан заплатила. Не потому что Хейл сказал «уезжайте», а значит, нужно остаться. Не потому что на столе лежали фотографии и письмо. Он не уедет, потому что голос на плёнке сказал «мой сын». И этот голос был настоящий. Живой. Сломанный. И он просил прощения не у Джека. У Томми. У того мальчика, которым Джек был до шести лет, до развода, до того как мать запретила имя.

Джек смотрел на белую дверь. За ней кто-то дышал в такт его сердцу.

Он не моргнул. И не ушёл.

Глава 4. Дом, где молчат

Дверь клиники Святой Елены открылась беззвучно. В Каррауэе скрипело всё: половицы, ставни, ржавые петли гаражей, даже сухой воздух. Здесь — тишина. Дверь ушла в стену мягко, словно петли смазывали каждый вечер, чтобы не потревожить то, что происходило за стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.